

«Я всю жизнь ворочал тяжелый камень,
который так и не стал на свое место».

Гёте

«Всякое счастье переменчиво, даже
кажущееся самым прочным. Надейся в
страданиях, но остерегайся и сомневайся
в благополучии. Не усыпляй себя ни
ленью, ни забвением».

Папюс

Владимир Сизов

Водоворот

Москва
2013

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 34

*Посвящаю
моим дорогим родителям*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название «Водоворот» как нельзя лучше подходит и отражает события жизни, описанные в книге.

При Советской власти попадали в водоворот многие, в том числе и я, откуда, нахлебавшись, с трудом выплыл, и снова с миллионами своих соотечественников погрузился в водоворот жизни, называемый «перестройкой». Одни выплывали, другие захлебывались, а многие не могли выбраться.

Потом наступило затишье. Страна отходила от болезней как тяжело больной человек. Она вставала, но глубокие травмы давали о себе знать, и полная реабилитация не ожидалась.

Все факты и события описаны такими, какими они были в действительности. Нет ни одной строчки вымысла. Трактовка событий может отличаться от официальной, и это вполне естественно. Все действующие лица реальны, как и их фамилии. Что приходило, то и происходило. «Все приходит и потому все достойно того, чтобы прийти», – писал Ф. Ницше в своем знаменитом произведении «О чем говорил Заратустра».

I

В воде, перемешанной с кровью,
бахтались люди, отчаянно пытавшиеся
уцепиться за проплывающие баржи...

«Кока, Кока, иди играть в футбол», – кричали мне мальчишки во дворе. Я откликался и радостный бежал играть на площадку около мусорной свалки. К прозвищу Кока я вообще не имел никакого отношения и привык к этому не сразу. Эта кличка перешла ко мне от старшего брата, которого звали Костя, и прочно закрепилась за мной вопреки всем моим протестам. Дедушка и бабушка со стороны отца были до революции довольно богатыми. Они жили в центре Москвы, в хорошем особняке на Поварской улице, в котором сейчас расположено посольство. После смерти, которая наступила после потрясений и огорчений, вызванных революционными преобразованиями, они оставили приличное наследство. Дедушка, не дожидаясь репрессий со стороны революционных масс, передал Советам свое имение в Царицыно и все принадлежащие ему дома. Из особняка, конечно, всех выселили и переселили в большую квартиру их другого собственного дома. После чего вся семья стала жить как в коммунальной квартире. Некоторые драгоценности удалось сохранить. Они-то и прокормили до конца войны всех детей, оставшихся в России, которые не хотели или не успели

сбежать за границу. В годы Гражданской войны семья распалась. Старшие братья моего отца воевали в Белой армии и бесследно исчезли. Было только известно, что они воевали на Южном фронте в армии под командованием Врангеля и мы надеялись, что они живы. Никаких вестей от них не получали, да и не хотели особо получать, чтобы не испортить себе жизнь. Сначала ждали каких-нибудь известий, а потом само по себе все успокоилось.

В годы новой экономической политики мама начала носить в открывшиеся в то время магазины Торксина, доставшиеся ей драгоценности. В этих магазинах на них можно было купить практически все. Папа, как молодой специалист, окончивший Императорское техническое училище, хоть и был беспартийный, но руководил большим строительным трестом, получая хорошую зарплату. Доходы семьи позволяли родителям держать прислугу и прилично одевать детей. Вот домработница и кричала с балкона моего брата Костю, игравшего во дворе, называя его Кокочкой. Все это было до войны, когда меня еще и не было. Казалось довольно странным, что эта кличка возродилась через несколько лет на мне, практически после войны, когда мы вернулись из эвакуации.

В эвакуацию наша семья попала поэтапно. В конце 1940 года отца послали работать главным инженером строительства тракторного, а потом сразу переориентированного танкового завода в Сталинграде. Видимо Сталин решил, что война с Германией неизбежна, и решительно стал к ней готовиться. С командировкой отца нам очень не повезло, так как в 1942 году мы оказались в пекле Сталинградской битвы, откуда с большим трудом выбрались на барже вместе с другими заводчанами. Немцы нещадно бомбили. Как потом рассказывала

мама, вода в Волге была красного цвета от крови. Вода перемешалась с нефтью и кровью, плыли трупы, доски, всякий мусор и среди всего этого барахтались люди, отчаянно пытавшиеся уцепиться за проплывающие баржи. В городе царила невообразимая паника. Все дороги были забиты беженцами. Практически ни одного целого дома, только постоянно ревущие серены, рев самолетов и взрывы бомб. Было невероятно, что мои скромные родители проявили твердость и умудрились в этом ужасе выехать и вывести детей. Таким образом, мы оказались в Сарапуле, а точнее на его окраине. Город расположен в отрогах Урала, где начинаются горы и лес. Как сейчас помню, деревенский деревянный дом с окнами, выходящими на пыльную дорогу, а сзади покренившийся от времени полуразрушенный дом, где жили несколько семей беженцев. Дальше глубокий заросший овраг и начинались горы, покрытые сосновым лесом. Лес был очень красив. Стойкие сосны стояли, как корабельные мачты, и светились своими светлокоричневыми стволами, усиливая световую гамму проникающих солнечных лучей. Эти сосны я узнал уже значительно позднее, любуясь картинами И.И. Шишкина.

Отец воевал. Мать работала сначала санитаркой в хирургическом отделении местного госпиталя, но, не выдержав тяжести общения с инвалидами и мучениями, которые они переносили, ушла. Как она говорила, было невозможно смотреть на их страдания и мучительный уход из жизни. Я был предоставлен самому себе. Старший брат топил печку и редко посматривал за мной. Мы слушали по радио передачи о сражении наших войск и очень переживали. Мы восхищались подвигами партизан и их храбростью. Нам, детям, хотелось быть похожими на них. Я решил поиграть в партизана. Мне удалось уговорить другого малыша напасть на маши-

ну директора хлебного завода, который, как мы знали, продавал хлеб или менял его на драгоценности. Это я узнал от матери, которая за золотые изделия получала от него буханку хлеба, которую распределяла на неделю. Видимо, из этих соображений, и была выбрана машина директора. Босые, в одних трусиках мы залезли в грязную канаву и стали поджидать. Когда на дороге появилась машина «Эмка», я выскочил с палкой в руках и метнул ее, представляя гранатой. Второй партизан или испугался в последний момент, или был просто умнее, он отсиживался в канаве. Силенок, чтобы добротить палку, было недостаточно. Машина остановилась, и из нее выскочил разъяренный здоровый водитель. Потом я понял, что он просто испугался задавить меня. Я стремглав бросился бежать и бежал без оглядки через овраг в лес. Крапива обжигала ноги, но я этого не замечал. Я почувствовал ожоги, когда остановился. Было тихо. Никто не гнался. Тяжело дыша, я смотрел по сторонам и ждал, когда водитель уедет. Вдруг на горе, в лесу, среди светящихся светло-коричневых сосен появилась фигура человека, одетая в белое одеяние. Он с гордо поднятой головой спускался с горы. Я смотрел на него как завороженный. – Может, раненый из госпиталя, – мелькнуло у меня в голове.

Но что-то было нереальное в этой фигуре, как мне показалось. Да и госпиталь находился в другой стороне. Я испугался. – Нет, лучше пусть водитель изобьет, – подумал я и помчался назад к дому.

На мое счастье водитель уже уехал.

Накануне этого события меня крестили. В церкви было очень холодно, меня раздели и посадили в таз с ледяной водой. Как помню, мама очень испугалась, что я простужусь, так как я раньше три раза болел воспалением легких. Соседи посоветовали меня крестить.

Мама это и сделала. Несмотря на холод, батюшка успокоил маму, сказав, что я ничем не заболею. Так оно и было. В то время мне было около пяти лет, но эта загадочная картина, которую я видел в лесу, до настоящего времени осталась в моей памяти.

В 1944 году, к нашей радости, мы получили известия от отца. Он писал, что вышел из госпиталя и находится в Москве. Однако наша квартира в Москве была занята работником Генштаба. Таких случаев в Москве было много, когда приехавшие из других городов военные заселяли квартиры, находящихся в эвакуации или на фронте хозяев. Отец начал судебный процесс и выиграл его, а затем приехал за нами. Укладывать в чемоданы было нечего. Мы как были в чем, так и уехали в Москву.

Вот здесь я и появился во дворе своего дома и был назван Кокой. Мои возражения по этому вопросу заканчивались дракой. Меня били. Я стойко сопротивлялся. Это повторялось много раз, и двор победил. Я остался Кокой, но с хорошей физической подготовкой и всегда готовый к драке. Я так разошелся, что в дальнейшем был инициатором всевозможных потасовок.

Двор жил своей жизнью. Все дружили: и старшие и младшие. Старшие, вернувшиеся из колоний или других таких мест, рассказывали истории, а младшие их слушали. Рядом с нашим домом, расположенным в Астаховском переулке, выходящем на Солянку, находились двухэтажные дома, построенные по типу колодца, внутри которых были такие же дома. Эти дома и место раньше называлось «Хитров рынок», что описано Горьким и Гиляровским. Там продолжали жить наследники героев романа Горького «На дне», и дети некоторым образом сохраняли их привычки. Они-то и поглотили наш замечательный двор, где можно было спокойно ка-